Vasilii Temnyi i Shemiakin sud

Moskva

1895

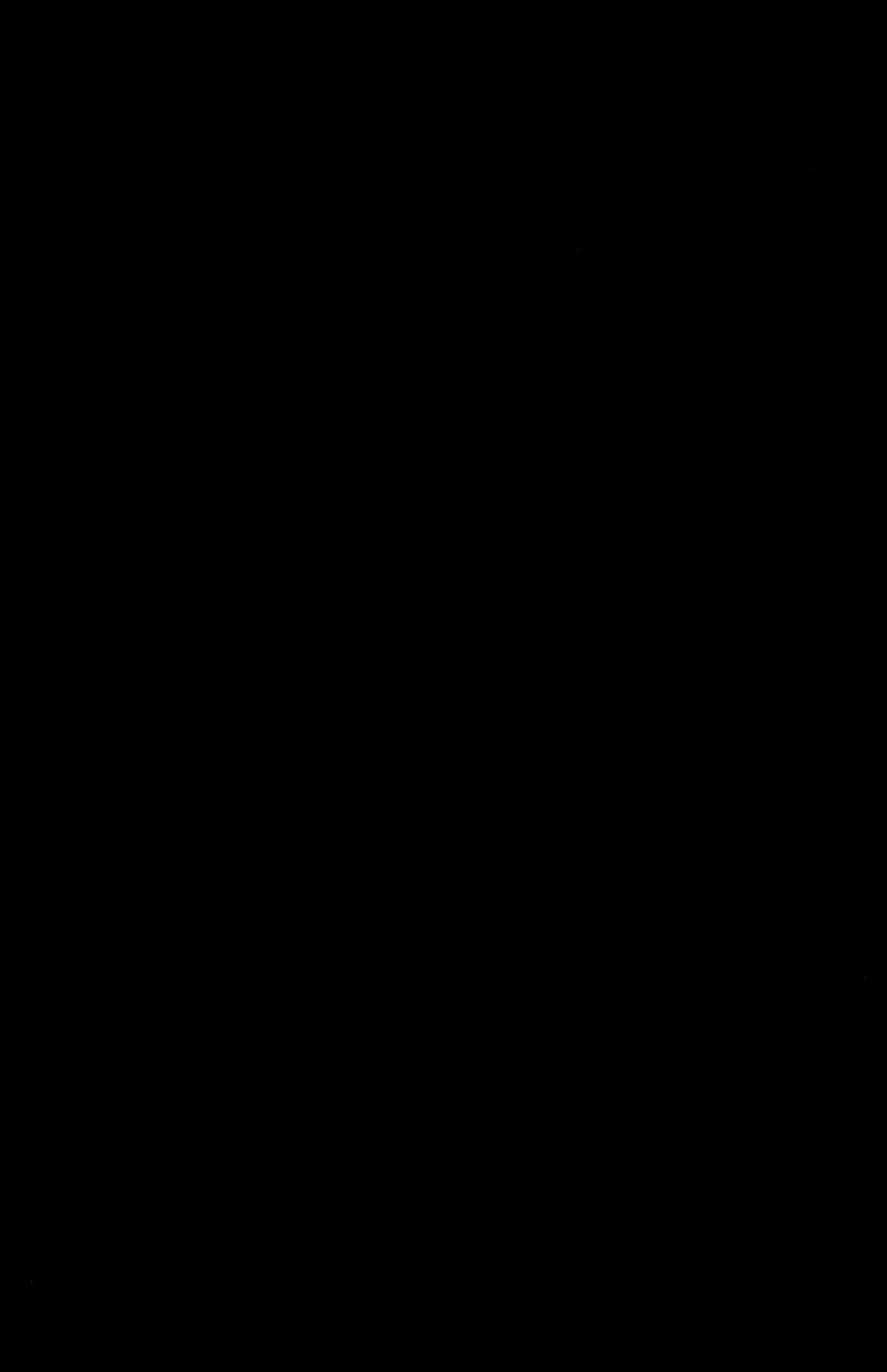
BIBLIOGRAPHIC RECORD TARGET
PRESERVATION OFFICE
CLEVELAND PUBLIC LIBRARY

RLG GREAT COLLECTIONS
MICROFILMING PROJECT, PHASE IV
JOHN G. WHITE CHAPBOOK COLLECTION

Master Negative Storage Number: OCI00057.08

Control Number: AEO-9855
OCLC Number : 30955109
Call Number : W 381.5917S Si41s no. 2
Title : Vasilii Temnyi i Shemiakin sud : istoricheskii razskaz.
Imprint : Moskva : Tip. T-va I.D. Sytina, 1895 [i.e. 1896]
Format : 29 p. ; 18 cm.
Subject : Chapbooks, Russian.

MICROFILMED BY
PRESERVATION RESOURCES (BETHLEHEM, PA)
On behalf of the
Preservation Office, Cleveland Public Library
Cleveland, Ohio, USA
Film Size: 35mm microfilm
Image Placement: IIB
Reduction Ratio: 8:1
Date filming began: 11/1/94
Camera Operator: RS

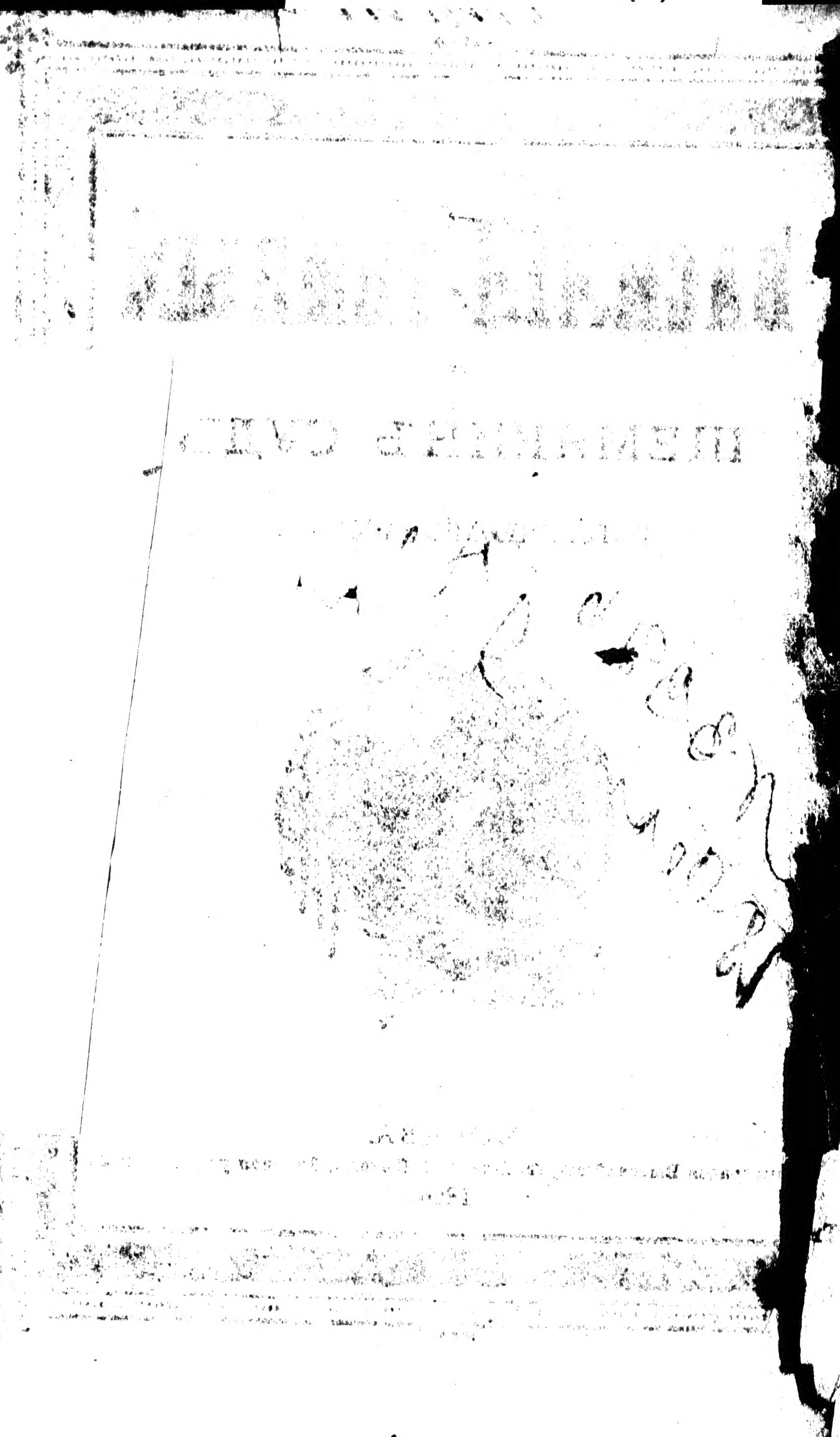
ВАСИЛІЙ ТЕМНЫЙ

и

ШЕМЯКИНЪ СУДЪ

ИСТОРИЧЕСКІЙ РАЗСКАЗЪ.

МОСКВА.
Типографія Высочайше утв. Т-ва И. Д. Сытина, Валовая ул., свой домъ.
1896.

ВАСИЛІЙ ТЕМНЫЙ

и

ШЕМЯКИНЪ СУДЪ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РАЗСКАЗЪ.

МОСКВА.
Тип. Высоч. утв. Т-ва И. Д. Сытина, Валовая ул., свой д.
1895.

DAMAGED PAGE(S)

Дозволено цензурою
Москва
189 года

~~Дозволено цензурою. Москва, 30 января 1895 года.~~

ВАСИЛІЙ ТЕМНЫЙ

и

ШЕМЯКИНЪ СУДЪ.

Куликовская побѣда была великою радостію для всей земли русской, первымъ торжествомъ ея надъ темнымъ царствомъ татарскимъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ и дорого она стоила: по свидѣтельству лѣтописца, отъ всего воинства Димитрія оставалась только десятая часть. Оскудѣла, можно сказать, Русь и воеводами и воинами, а силы татарскія были еще велики; поэтому со страхомъ всѣ ожидали новаго нашествія Мамая, который, возвратясь въ орду, тотчасъ же сталъ собирать еще большее войско и грозилъ безпощадно отомстить за свое пораженіе. Не успѣлъ, однакожъ, онъ выступить, какъ узналъ о наступленіи на него другого хана, Тохтамыша; встрѣтились они на берегахъ Калки; Мамай былъ разбитъ, бѣжалъ къ генуэзцамъ и тамъ погибъ. Побѣдитель его тотчасъ же отправилъ пословъ увѣдомить кня-

зей русскихъ и московскаго о своемъ воцареніи въ Золотой ордѣ; пословъ приняли съ честію и отправили своихъ пословъ съ дарами для новаго хана; но когда ханъ потребовалъ покорности и дани отъ земли русской, то Дмитрій, надѣясь, что князья русскіе всѣ дружно станутъ противъ общаго врага, отвѣчалъ: „Если посолъ хана явится съ такимъ требованіемъ, то онъ не ручается за его жизнь“. Посолъ оробѣлъ и, доѣхавши до Нижняго-Новгорода, возвратился назадъ; посланные отъ него тоже не осмѣлились въѣхать въ Москву. Тохтамышъ рѣшился разогнать страхъ, наведенный на татаръ Куликовскою битвою; онъ внезапно переправился съ большимъ войскомъ черезъ Волгу и пошелъ къ Москвѣ, наблюдая, однакожъ, большую осторожность и употребляя всевозможныя хитрости, чтобы не узнали въ землѣ русской о его походѣ; очевидно, что онъ самъ боялся открыто дѣйствовать. Князья нижегородскій и рязанскій не устыдились передаться хану; первый послалъ къ нему сыновей, а второй, чтобы спасти свою область,

самъ повелъ Тохтамышево войско и указалъ даже броды черезъ Оку. Дмитрій обо всемъ этомъ узналъ уже поздно; онъ хотѣлъ было выступить противъ враговъ, но область его, страшно оскудѣвшая народомъ послѣ Куликовскаго побоища, не могла выставить вдругъ достаточнаго войска; поэтому онъ рѣшился оставить Москву и отправился въ Кострому собирать полки. Когда узнали, что Тохтамышъ взялъ уже Серпуховъ и приближается къ Москвѣ, то во всемъ городѣ началось страшное смятеніе, которое съ трудомъ могъ успокоить Остей (одинъ изъ литовскихъ князей, служившихъ при Дмитріи); онъ укрѣпилъ Кремль, затворился въ немъ съ москвитянами и рѣшился умереть, но не сдаваться. Осада началась 24 августа 1382 г.; татары пускали стрѣлы какъ дождь, отъ которыхъ много гибло осажденныхъ и въ городѣ и на стѣнныхъ забралахъ; подѣлавъ лѣстницы, татары полѣзли на стѣны; но москвичи лили на нихъ изъ котловъ горячую воду, стрѣляли изъ самострѣловъ, тюфяковъ (ружей) и пушекъ, о

которыхъ здѣсь въ первый разъ упоминается. Три дня уже бились татары подъ Кремлемъ, и не было надежды взять его; тогда ханъ пустился на хитрость: онъ приказалъ бывшимъ при немъ нижегородскимъ князьямъ объявить осажденнымъ, что онъ не имѣетъ на нихъ вражды, и если они выйдутъ къ нему съ дарами, то онъ взглянетъ только на ихъ городъ и пойдетъ обратно. Слова хана подтвердили клятвою князья русскіе, шурья Дмитрія; осажденные повѣрили, отворили ворота и вышли съ крестами и дарами. Этого только и ждали кровожадные враги; первый погибъ Остей, потомъ изрубили духовенство, жителей избили или забрали въ плѣнъ; храмы Божіи ограбили, казну княжескую взяли, а остальное все сожгли. Взявши Москву, Тохтамышъ послалъ отряды изъ своего войска въ разныя стороны истреблять города и грабить; одинъ изъ этихъ отрядовъ, наткнувшійся на Владиміра Андреевича, стоявшаго близъ Волока съ большою ратью, былъ разбитъ; испуганные татары прибѣжали къ своему

хану съ вѣстью о сильномъ русскомъ войскѣ. Узнавши объ этомъ, ханъ тотчасъ стянулъ къ себѣ всѣ свои войска и пошелъ назадъ; это также показываетъ, какое вліяніе имѣла на татаръ Куликовская битва.

По уходѣ татаръ, великій князь и братъ его Владиміръ возвратились въ свою опустошенную отчизну, поплакали и велѣли хоронить убитыхъ, которыхъ было, какъ сказываютъ, до 20 тысячъ человѣкъ. При такомъ горѣ Дмитрію пришлось снова бороться и съ крамолою князей. Михаилъ тверской не замедлилъ воспользоваться бѣдствіемъ Москвы и тотчасъ поѣхалъ въ орду искать себѣ великаго княженія владимірскаго и новгородскаго. Дмитрій отправилъ въ орду сына своего Василія съ старшими и вѣрными боярами. По ихъ старанію Михаилъ возвратился ни съ чѣмъ, но все-таки Дмитрію пришлось заплатить хану тяжкую дань, который при этомъ еще удержалъ у себя Василія, требуя за него значительный окупъ. Молодой князь, однакожъ, успѣлъ уйти изъ орды, и тогда Дмитрій, не стѣс-

няемый болѣе Тохтамышемъ, принялся за расправу съ своими. Сперва жестоко наказалъ онъ Олега рязанскаго, который, наконецъ, долженъ былъ, подобно Михаилу тверскому, признать себя младшимъ братомъ Дмитрія и равнымъ московскому удѣльному князю—Владиміру Андреевичу; потомъ онъ принялся за усмиреніе новгородцевъ.

Поводомъ къ этому было своевольство *ушкуйниковъ*; такъ назывались новгородскіе удальцы, пускавшіеся по рѣкамъ въ ушкуяхъ (лодкахъ) грабить и разорять не только татарскіе города и села, но и русскіе.

Дмитрій требовалъ прекращенія такихъ разбоевъ, но новгородцы не слушались; тогда онъ выступилъ съ сильнымъ войскомъ—и новгородцы смирились.

Еще не было и 40 лѣтъ Дмитрію, какъ вдругъ онъ заболѣлъ и 10 мая 1389 года скончался, но все-таки онъ много успѣлъ сдѣлать. Куликовской побѣдой онъ доказалъ, что татары не есть несокрушимая сила, а договоромъ, заключеннымъ съ братомъ своимъ Вла-

диміромъ, навсегда утвердилъ наслѣдство великаго княжества въ своемъ родѣ. По этому договору, заключенному въ 1371 году, Владиміръ обязался не искать московской отчизны Дмитріевой и великаго княженія владимірскаго не только подъ Дмитріемъ, но и подъ сыновьями его, обязался, въ случаѣ смерти Дмитріевой, считать старшаго сына его, а своего племянника, старшимъ братомъ и служить ему.

Пятнадцатилѣтній сынъ Дмитрія наслѣдовалъ отцу, и какъ братья его, такъ и дядя, Владиміръ Андреевичъ, присягнули ему въ повиновеніи. Опытные и избранные совѣтники юнаго князя признали необходимымъ до времени не раздражать Тохтамыша и укрѣпить дружбу съ Литвой родственнымъ союзомъ съ Витовтомъ, уже начинавшемъ пріобрѣтать большое значеніе. Василій женился на дочери Витовта Софьѣ. Въ это-то время и въ Польщѣ, и въ Литвѣ, и въ ордѣ происходили важныя событія. Тохтамышу предстояла борьба съ сильнымъ чагатайскимъ ханомъ Тимуромъ, или Тамерланомъ, котораго называли

вторымъ Чингисомъ и который дѣйствительно былъ не менѣе ужасенъ *перваго* и также задумалъ покорить весь міръ; при этомъ Тохтамышъ, конечно, не могъ ссориться съ Русью, уже доказавшею свою силу въ Куликовской битвѣ. Этимъ-то обстоятельствомъ рѣшился воспользоваться князь Василій; онъ самъ отправился въ орду и сталъ домогаться, чтобы все суздальское княжество, которое равнялось тверскому и рязанскому, было присоединено къ Москвѣ. Ханъ не только согласился на это, но прибавилъ еще Муромъ. Такимъ образомъ сильный соперникъ Москвы уничтожился безъ войны, безъ кровопролитія, однимъ ханскимъ словомъ. Василій отправился распорядиться во вновь пріобрѣтенныхъ имъ городахъ, а Тохтамышъ двинулся навстрѣчу Тимуру. На берегахъ Каспійскаго моря сразились ханы; Тимуръ побѣдилъ, истребилъ множество ордынцевъ и до основанія уничтожилъ Сарай и Астрахань. Эту вѣсть русскіе приняли за великую милость Божію; но вскорѣ другая вѣсть заставила всѣхъ содрогнуться. Внезапно узна-

ли въ Москвѣ, что Тимуръ идетъ на Русь и уже находится близъ Ельца, а отряды его уже опустошаютъ рязанскую область. Побороть такую силу никто не имѣлъ надежды, но Василій не хотѣлъ безчестно покориться; уповая на Божію помощь, онъ собралъ войско и выступилъ къ Окѣ, рѣшившись положить свою голову за родную землю. Въ Москвѣ, между тѣмъ, молились денно и нощно; митрополитъ не выходилъ изъ Успенскаго собора; наконецъ, великій князь и бояре рѣшились перенести изъ Владиміра въ Москву ту святую икону Богоматери, которую нѣкогда привезъ во Владиміръ Андрей Боголюбскій. Народъ встрѣтилъ ее на Кучковѣ полѣ, и тысячи, повергаясь на колѣни, взывали: „Матерь Божія, спаси землю русскую!“ Черезъ нѣсколько времени узнали, что въ самый день встрѣчи москвитянами Богоматери Тимуръ пошелъ назадъ. Невыразима была радость русскихъ, и они причли чудное избавленіе Москвы великой Заступницѣ христіанъ. Святая икона Владимірская и понынѣ нахо-

дится въ Успенскомъ соборѣ, по лѣвую руку отъ царскихъ дверей, а на томъ мѣстѣ, гдѣ встрѣтили ее, москвичами построенъ былъ монастырь *Срѣтенія*, и улица, на которой находится этотъ монастырь, названа оттого *Срѣтенкою*.

И въ прежнее время не разъ нарушалось родовое право старшинства, а въ послѣднее оно уже крѣпко начинало терять свою силу; но все-таки нарушеніе этого права считалось исключеніемъ, а Дмитрій Донской первый это исключеніе сдѣлалъ правиломъ. Онъ первый, мимо брата своего Владиміра Андреевича, завѣщалъ своему сыну столы московскій и владимірскій, на что самъ Владиміръ изъявилъ свое согласіе и призналъ племянника старшимъ надъ собою. Но Владиміръ былъ двоюродный братъ Дмитрія и не могъ занять старшаго стола по отчинѣ, потому что отецъ его не былъ великимъ княземъ московскимъ и владимірскимъ; слѣдовательно, Василій Дмитріевичъ поступилъ еще рѣшительнѣе, завѣщавая старшинство своему *десятилѣтнему* сыну, мимо родныхъ своихъ братьевъ, которыхъ прав

ва, по старинѣ, были совершенно безспорныя. Какъ только скончался Василій Дмитріевичъ, митрополитъ Фотій тотчасъ же объявилъ малолѣтняго сына его великимъ княземъ; Владим[illegible]е подтвердилъ за себя и дѣтей своихъ отреченіе отъ великаго княженія, то же сдѣлали и всѣ родные братья Василія; но второй братъ, Георгій Дмитріевичъ Звенигородскій, отказался признать старшинство племянника, не признавая законнымъ новый порядокъ престолонаслѣдія. Никто не могъ уговорить его на уступку, даже родные сыновья его: Василій *Косой*, Дмитрій *Шемяка* и Дмитрій *Красный*. Такимъ образомъ снова должна была начаться борьба удѣльная, но уже только въ семействѣ Калиты, и притомъ послѣдняя. Принуждены были послать противъ Георгія войско; онъ удалился въ Галичъ и сталъ собирать войско; отправился къ нему самъ митрополитъ Фотій, но сперва не имѣлъ никакого успѣха и выѣхалъ изъ Галича съ гнѣвомъ, не благословивъ ни князя ни народа. Почти тотчасъ же по выѣздѣ его начался въ городѣ моръ; Георгій

испугался, самъ поскакалъ за митрополитомъ и просилъ возвратиться; Фотій возвратился—и моръ сталъ утихать. Георгій согласился передать дѣло о наслѣдіи на рѣшеніе орды, и до того далъ слово повиноваться племяннику. Конечно, при этомъ имѣлось въ виду только выиграть время, потому что на рѣшенія ханскія уже не обращали вниманія и прочіе князья: такъ могли ли повиноваться имъ сынъ и внукъ Донского. Вотъ почему не спѣшили ѣхать въ орду ни дядя ни племянникъ. Георгія удерживало также и то, что княгиня Софья съѣздила къ отцу своему Витовту, которому поручила и сына и все московское княжество; но какъ только Витовтъ умеръ, то онъ тотчасъ потребовалъ племянника на судъ въ орду. И вотъ въ 1431 году стали передъ ханомъ 60-ти лѣтній Георгій и 17-ти лѣтній Василій; при послѣднемъ находился умный бояринъ Іоаннъ Всеволожской, который своей льстивой рѣчью сразилъ старика. „Князь Георгій,—сказалъ онъ хану,—ищетъ великаго княжества по старинѣ, по завѣту отцовскому, а Василій кня-

жить по твоей милости; ты далъ свой улусъ Василію Дмитріевичу; а онъ твой милостивый даръ передалъ своему сыну и тѣмъ самымъ исполнилъ твою волю, великій царь!“

Ханъ объявилъ Василья великимъ княземъ, и Георгій со стыдомъ удалился въ свой удѣлъ. Василій, будучи еще въ ордѣ, обѣщалъ Всеволожскому, за оказанную имъ услугу, жениться на его дочери: въ то время князья часто женились на дочеряхъ боярскихъ и выдавали за бояръ дочерей своихъ. Но княгиня Софья не согласилась на этотъ бракъ и настояла, чтобъ Василій женился на внучкѣ Владиміра Андреевича, сестрѣ удѣльнаго князя боровскаго, который былъ единственнымъ наслѣдникомъ знаменитаго удѣла дѣдовскаго. Бояринъ Иванъ огорчился, уѣхалъ къ Георгію и сталъ его подговаривать на Василья; сыновья Георгія, Косой и Шемяка, были въ это время на свадьбѣ у великаго князя. Василій Косой пріѣхалъ на свадебный пиръ въ богатомъ золотомъ поясѣ, украшенномъ дорогими каменьями. Одинъ старый бояринъ раз-

сказалъ княгинѣ Софьѣ, что этотъ поясъ былъ данъ въ приданое Дмитрію Донскому; но одинъ изъ бояръ подмѣнилъ его другимъ, а настоящій передалъ сыну своему; впослѣдствіи онъ перешелъ къ Косому. Софья Витовтовна, узнавши объ этомъ, подошла къ князю и при всѣхъ сняла съ него поясъ, какъ собственность своего семейства. Георгіевичи, оскорбленные такимъ позоромъ, тотчасъ выѣхали изъ Москвы, грозя войной; но москвичи посмѣялись надъ ними и думать не хотѣли, чтобы Георгій осмѣлился воевать, и тогда только узнали о его движеніяхъ, когда онъ уже вступилъ въ Переславль.

Захваченный врасплохъ Василій посылалъ къ дядѣ бояръ просить мира; но онъ и слушать не хотѣлъ о мирѣ. Тогда Василій съ небольшимъ наскоро собраннымъ войскомъ выступилъ противъ дяди, но былъ разбитъ на голову и бѣжалъ въ Кострому, гдѣ захватили его въ плѣнъ. Георгій, вступивъ въ Москву, объявилъ себя великимъ княземъ, и Василій Косой, какъ старшій изъ братьевъ, надѣялся, что по новому

порядку онъ будетъ наслѣдникомъ отца, если только уничтожитъ Василья. Отецъ, однакожъ, былъ совѣстливѣе сына: онъ по совѣту любимца своего, боярина Морозова, который не любилъ Косого, призвалъ плѣннаго племянника и далъ ему въ удѣлъ Коломну. По тогдашнимъ обычаямъ бояре свободно могли переходить отъ одного князя къ другому, и вотъ бояре московскіе, оскорбленные новыми боярами Георгія, стали переѣзжать къ Василію въ Коломну; туда же вскорѣ переѣхали и Всеволожскій. Косой и Шемяка, видя явную измѣну и приписывая все это Морозову, поссорились съ нимъ и убили его въ самомъ Кремлевскомъ дворцѣ; отецъ прогналъ ихъ, и они выѣхали изъ Москвы. Георгій, видя, что со всѣхъ сторонъ онъ окруженъ врагами и измѣною, рѣшился на странное дѣло: онъ пригласилъ Василія, передалъ ему великое княжество, отрекся отъ старшихъ дѣтей своихъ и уѣхалъ на свой удѣлъ. Василій тотчасъ послалъ войско на Косого и Шемяку; но они мужественно встрѣтили ратъ князя и уничтожили ее; тогда Ва-

силій, раздраженный такой неудачею, обвинилъ во всемъ, совершенно несправедливо, Георгія и самъ пошелъ на него съ войскомъ. Дядя, оскорбленный такою неблагодарностью племянника, простилъ Косого и Шемяку и вмѣстѣ съ ними близъ Ростова разбилъ Василья на голову. Онъ ушелъ въ Новгородъ, а Георгій снова вступилъ великимъ княземъ въ Москву, гдѣ захватилъ жену и тещу Василія; впрочемъ, онъ не долго княжилъ, вскорѣ заболѣлъ и умеръ. Въ это время въ Москвѣ былъ при немъ только Косой, а Шемяка былъ посланъ преслѣдовать Василья, который думалъ пробраться въ орду. Косой объявилъ было себя великимъ княземъ, но Шемяка, узнавши, что Георгій въ духовной своей назначилъ имъ только свой удѣлъ, не захотѣлъ итти противъ завѣщанія отцовскаго, принялъ сторону Василья и двинулся вмѣстѣ съ нимъ на брата. Косой принужденъ былъ бѣжать изъ Москвы, а Василій въ третій разъ вступилъ въ нее великимъ княземъ и рѣшился во что бы то ни стало погубить своихъ соперниковъ: первою жер-

твою былъ Косой; какъ только его захватили, Василій приказалъ вырѣзать ему глаза, и 12 лѣтъ несчастный томился въ тюрьмѣ, гдѣ и умеръ, забытый всѣми. Дмитрій Красный скончался еще прежде, и думаютъ, что былъ отравленъ. Оставался одинъ Шемяка, который не могъ не питать самой злой ненависти къ Василью, не только за братьевъ, но и за самого себя, потому что и его посадили было въ тюрьму, закованнаго въ цѣпи, но выпустили. Видя однакожъ свою слабость, онъ до времени заключилъ съ Васильемъ мирный договоръ и уѣхалъ въ Галичъ. Василій также рѣшился выждать болѣе удобнаго случая, чтобы освободиться отъ послѣдняго своего соперника, потому что въ это время ему нужно было усмирить татаръ, которые все еще не переставали тревожить земли русской. Золотая орда почти совсѣмъ ужъ ослабѣла; но зато усилились двѣ новыя—Крымская и Казанская. Ханъ послѣдней, Улу-Махметъ, переходилъ даже Оку, сжегъ Коломну, опустошилъ Муромъ. Великій князь потребовалъ,

чтобы всѣ князья собрались для похода на Улу-Махмета; но многіе изъ нихъ не пришли; не пришелъ и Шемяка, хотя къ нему нѣсколько разъ посылали; поэтому Василій, не дождавшись ихъ, выступилъ съ очень небольшимъ войскомъ, пошелъ къ Суздалю и сталъ на рѣкѣ Каменкѣ.

Съ 6 на 7-е іюля князья пировали всю ночь; татары этимъ воспользовались и напали врасплохъ; русскіе, впрочемъ, дружно ихъ встрѣтили и сперва было отразили, погнали, но при этомъ разстроили свои ряды; тогда татары снова обратились на нихъ — и только немногіе спаслись. Василій отбивался отчаянно но, крѣпко израненный, былъ взятъ въ плѣнъ. Когда узнали въ Москвѣ объ участи великаго князя, то поднялся плачъ и рыданіе многое, говоритъ лѣтописецъ. Но за этой бѣдой послѣдовала другая: ночью 14 іюля загорѣлась Москва и вся выгорѣла до послѣдняго дома; даже каменныя церкви распались, и каменныя стѣны во многихъ мѣстахъ упали; народу погибло множество; смятеніе было ужасное, но-

тому что ждали еще нашествія татаръ. Но Улу-Махмедъ, уведши своего плѣнника въ Муромъ, остановился тамъ и далъ знать Шемякѣ, что общій ихъ врагъ у него въ плѣну, и предлагалъ ему великокняжескій столъ, надѣясь получить за это отъ него большія выгоды. Шемяка почетно принялъ посла Махмета, но замедлилъ отвѣтомъ, и ханъ, желая покончить дѣло какъ можно скорѣе, отпустилъ Василія въ Москву [illegible] омный окупъ. При этомъ съ [illegible] выѣхали изъ орды многіе татар[illegible]ься на службу къ нему, которымъ онъ назначилъ богатое содержаніе. Тяжкій налогъ для сбора денегъ на окупъ и пріѣздъ татаръ, которыхъ ненавидѣли русскіе, — все это возбудило неудовольствіе въ самихъ москвичахъ, чѣмъ тотчасъ воспользовался Шемяка и вошелъ въ союзъ съ князьями тверскимъ и можайскимъ. Въ 1446 году недовольные изъ москвитянъ, между которыми были бояре, гости и даже чернецы, дали знать союзнымъ князьямъ, что Василій поѣхалъ молиться въ Троицкій монастырь. Шемяка и Можай-

STAINED PAGE(S)

скій тотчасъ двинулись, и ночью, 12 февраля, овладѣли врасплохъ Москвою, захватили жену и мать великаго князя, разграбили его казну, перехватили многихъ вѣрныхъ ему бояръ. Можайскій въ ту же ночь отправился къ Троицѣ съ толпой своихъ и Шемякиныхъ людей. Къ Василью прискакалъ рязанецъ Бунко и объявилъ, что на него идутъ ратью Шемяка и Можайскій; но князь не повѣрилъ ему, даже приказалъ прогнать его; впрочемъ, на всякій случай поставили на московской дорогѣ сторожей; но ратники Можайскаго обманомъ захватили ихъ и тотчасъ же бросились къ монастырю. Василій, увидѣвъ враговъ, заперся было въ той самой церкви, гдѣ почиваютъ мощи св. Сергія, но услышавъ голосъ Можайскаго, самъ отворилъ дверь и вышелъ, держа въ рукахъ икону съ гробницы Сергія.

„Братъ Иванъ, — говорилъ Василій, — вотъ икона, которую мы цѣловали и клялись въ дружбѣ; неужели измѣните и погубите?“ — „Мы не хотимъ тебѣ лиха, — отвѣчалъ Можайскій, — но выкупъ за тебя обременилъ христіанъ, и ради ихъ доб-

ра мы должны взять тебя подъ охраненіе". Въ простыхъ саняхъ отвезли Василья въ Москву; два дня продержали подъ стражей, на третій, ночью, ослѣпили и сослали въ Угличъ съ женою, а мать, Софью Витовтовну,—на Чухлому. Малолѣтнихъ дѣтей Василья успѣли увезти бояре Ряполовскіе въ свое муромское помѣстье и рѣшились не выдавать ихъ. Многіе, однакожъ, изъ бояръ и гражданъ московскихъ остались вѣрными Василью; особенно отличился Ѳедоръ Басенокъ: онъ не принялъ наградъ за измѣну, въ глаза разругалъ Шемяку, успѣлъ уйти изъ тюрьмы и всюду подговаривалъ народъ и бояръ на защиту несчастнаго князя-слѣпца, прозваннаго поэтому *Темнымъ*.

Число недовольныхъ Шемяка и самъ безпрерывно увеличивалъ какъ своимъ страннымъ характеромъ,—смѣсью добра и зла, — такъ и пристрастнымъ судомъ къ тѣмъ, черезъ кого онъ сдѣлался великимъ княземъ; правды въ судѣ не было, а потому *Шемякинъ* судъ сталъ навсегда пословицею и теперь имѣетъ значеніе несправедливаго суда. Шемя-

ка видѣлъ, что онъ не можетъ быть спокоенъ, пока сыновья Василья на свободѣ въ Муромѣ, съ большой дружиной; но взять ихъ силой онъ не смѣлъ, боясь этимъ возбудить общее негодованіе; поэтому онъ прикинулся, что хочетъ примириться съ Василіемъ и дать ему и сыновьямъ его удѣлъ. Объявилъ объ этомъ епископу Іонѣ и просилъ его съѣздить за дѣтьми Василья въ Муромъ. Владыка отправился къ Ряполовскимъ, но они согласились выдать дѣтей не иначе, какъ подъ митрополичью эпитрахиль, и сами отправились съ ними въ Москву, обѣщаясь навсегда быть вѣрными Шемякѣ, если онъ сдержитъ свое слово и освободитъ Василья. Шемяка отослалъ дѣтей къ отцу, но и его и ихъ держалъ въ заключеніи. Ряполовскіе оскорбились, выѣхали изъ Москвы и приняли рѣшительныя мѣры къ освобожденію Василія; къ нимъ пристали многіе князья и бояре. Шемяка смутился, видя, что готовится сильное возстаніе. Между тѣмъ Іона не переставалъ упрекать его, говоря ему: „Сдѣлалъ ты не-

правду и меня ввелъ въ грѣхъ и срамъ! И какое худо могутъ причинить тебѣ бѣдный слѣпецъ и сыновья его отроки?“ Шемяка рѣшился, наконецъ, освободить Василья и самъ отправился въ Угличъ съ епископами, архимандритами и игуменами. Трогательно было свиданіе князей, и всѣ дивились смиренію Василья; ручьями текли слезы изъ глазъ, когда онъ говорилъ Шемякѣ: „И не такъ еще слѣдовало мнѣ пострадать за грѣхи мои и клятвопреступленія передъ вами, моими старшими братьями, и передъ всѣмъ православнымъ христіанствомъ!.. Достоинъ былъ и смертной казни!“ Шемяка тоже просилъ у него прощенія. Наконецъ, все кончилось веселымъ пиромъ; Василій получилъ богатые дары и Вологду въ отчизну, но долженъ былъ дать проклятыя грамоты въ томъ, что не будетъ искать великаго княженія.

Конецъ.

